

СИРИЙСКИЕ ДЕЛА

1. Антиох, сын Селевка и внук Антиоха, был царем сирийцев, вавилонян и других племен. Он был шестым в ряду потомков Селевка, который после Александра царствовал над Азией по Евфрату; напав на Мидию и Парфию и на другие племена, отложившиеся еще до него, и совершив много великих подвигов, он получил за это прозвище Антиоха Великого; гордясь совершенным им и полученным за это прозвищем, он напал на глубинную Сирию и на те области Киликии, которые принадлежали Птолемею Филадельфу, еще мальчиком ставшему царем Египта, и ими завладел; нисколько ни с чем не считаясь, он двинулся на при-Геллеспонтские области, на эолийские и ионийские города, под предлогом, что они принадлежат ему как властителю Азии; ведь и раньше—говорил он—они подчинились царям Азии. Переплыв в Европу, он двинулся на Фракию и силою подчинил отказавшиеся ему повиноваться племена; он укрепил Херсонес и заселил Лисимахию; ее основал Лисимах, воцарившийся над Фракией после Александра, с тем чтобы она была ему укрепленным пунктом против фракийцев; фракийцы же, когда Лисимах умер, разрушили ее. И вот Антиох стал ее заселять, призывая беглецов из владений Лисимаха, покупая обращенных в рабов пленников, прибавляя к ним других, давая быков, овец и железные орудия для земледелия и ничего не упуская, чтобы быстрым темпом укрепить город. Это место ему казалось в высшей степени важным укреплением против всей Фракии и самым удобным складочным местом при выполнении остальных его замыслов.

2. Но это послужило для него началом явного разногласия также с римлянами. Когда он стал захватывать, один за другим, греческие города, то большинство их жителей из страха захвата силою подчинялись ему и выдали гарнизоны, но жители Смирны, Лампсака и другие держались еще против него и отправили послов к римскому полководцу Фламинину, недавно в большой битве в Фессалии победившему Филиппа Македонского. Ведь дела Македонии и греков имели общие точки соприкосновения и по месту, и по времени, как мною это показано в «Греческой истории». И уже между Антиохом и Фламинином были некоторые взаимные посольства и безуспешные попытки соглашения. И римляне, и Антиох с большим подозрением относились друг к другу: римляне полагали, что Антиох не останется спокойным, находясь под обаянием величия своей власти и расцвета удач; Антиох же полагал, что только одни римляне будут особенно препятствовать расширению его могущества и помешают ему при его попытке переправиться в Европу. Но вообще у них не было явных причин для враждебных отношений. В то время в Рим прибыли послы от Птолемея Филадельфа; он жаловался, что Антиох отнял у него Сирию и Киликию. Римляне с хотю ухватились за этот предлог, случившийся для них очень кстати, и отправили послов к Антиоху, которые на словах имели намерение примирить Птолемея с Антиохом, на деле же внимательно разглядеть планы Антиоха и помешать ему, сколь они смогут.

3. Стоявший во главе этого посольства Гней¹ стал требовать от Антиоха предоставить Птолемею, другу римского народа, управлять теми землями, которые ему оставил отец, а те города в Азии, которыми управлял Филипп Македонский, оставить автономными: ведь несправедливо, чтобы Антиох владел тем, что римляне отняли у Филиппа. И вообще, сказал он, непонятно, чего ради Антиох предпринял такой поход, пришел со столь огромным войском из середины Мидии в приморскую Азию и вторгся в Европу, подчиняя в ней города своей власти и пытаясь покорить Фракию, если все это не имеет целью подготовку другой войны. На это Антиох ответил, что Фракию, бывшую во владении его предков и утраченную вследствие недостатка внимания с их стороны, он, имея свободное время, вновь берет себе и восстанавливает Лисимахию, чтобы она была местом жительства его сына Селевка; города же в Азии он оставит автономными, если они будут проявлять расположение не к римлянам, а к нему. «Что же касается Птолемея», сказал он, «то я его родственник, и очень скоро буду как никогда близок ему по браку и постараюсь, чтобы он по отношению к вам выказывал признательность; с своей стороны я не могу понять, почему римляне считают справедливым вмешиваться в дела Азии, тогда как я не вмешиваюсь в дела Италии».

Так безрезультатно они разошлись, дав совершенно ясно прорваться взаимным угрозам.

4. И по их словам, и по общему мнению было ясно, что в случае смерти Птолемея Филадельфа Антиох спешно двинется на Египет, оставшийся без правителя, чтобы его захватить. В Эфесе с ним встретился карфагенянин Ганнибал, бежавший из родины вследствие клеветы своих врагов, которые говорили, что он крайне враждебно настроен к римлянам, жаждет войны и не может жить в мирной обстановке. А это было время, когда карфагеняне в силу договора были подчинены римлянам. Широко прославленного своими военными подвигами Ганнибала Антиох принял блестяще и держал его около себя. Узнав в Ликии, что Птолемей еще жив, Антиох отказался от Египта, но, надеясь, что он вместо Египта сумеет захватить Кипр, он быстро отплыл против него. Около реки Сара он попал в бурю, потерял много кораблей, некоторые со всеми людьми и друзьями; поэтому он отплыл в Селевкию в Сирии и стал восстанавливать пострадавший флот. Он отпраздновал брак своих детей, Антиоха и Лаодики, сочетав их между собой.

5. Зная, что надо скрывать свои намерения относительно войны с римлянами, он предусмотрительно связывает браком близких к нему царей: в Египет Птолемею он послал Клеопатру, имевшую прозвище Сиры, в качестве приданого отдав Келесирию, которую сам отнял у Птолемея, ухаживая за юношей, чтобы он во время его войны с римлянами оставался спокойным. Антиохиду он послал Ариарату, царю Каппадокии, и еще одну оставшуюся у него — Эвмену — царю Пергама. Но Эвмен отказался принять ее (он видел, что Антиох уже задумывал войну против римлян и под давлением такой необходимости хочет связаться с ним узами родства), и когда его братья Аттал и Филетер удивлялись, что он отказывается вступить в родственные отношения со столь великим царем и своим соседом, причем тот сам его просит об этом, он указал им, что в будущей войне вначале положение той и другой стороны будет равным, но с течением времени римляне окажутся сильнее вследствие твердости духа и настойчивости. «Я лично, — сказал он, — в случае победы римлян спокойно буду править в своей стране; если же победителем окажется Антиох, то я могу ждать, что все будет у

¹ По Полибию (17,31) и по Ливию (33, 39 и 41) — Люций Корнелий. Некоторые у Ливия читают Гай, откуда и могло получиться Гней.

меня отнято, или же могу ждать, что, сохранив все свое, я буду царствовать так, что он будет парствовать надо мною». Вследствие таких соображений он и отказался от брака.

6. Антиох же вновь двинулся к Геллеспонту и, переплыв в Херсонес, также и в этот раз прошел по многим местам Фракии, подчиняя их своей власти. Он освобождал эллинов, которые были в подданстве у фракийцев, и оказал большие милости византийцам, так как их город занимал очень выгодное положение у входа в пролив. Галатов он привлек к союзу с собой как дарами, так и страхом своих приготовлений, считая, что вследствие их огромного роста они будут для него подходящим боевым материалом. После этого он отплыл в Эфес и отправил в Рим послами Лисия, Гегесианакта и Мениппа, которым было поручено на самом деле испытать настроение сената; на словах же Менипп должен был сказать, что царь старается быть в дружбе с римлянами, хочет быть и союзником их, если они сочтут это нужным, что он удивляется, почему они приказывают ему отказаться от ионийских городов, снять с некоторых из них налоги и по некоторым вопросам не вмешиваться в дела Азии, а также оставлять в покое Фракию, хотя она всегда была собственностью его предков; ведь такие приказания отдают не друзьям, но победители—побежденным. Но те из сенаторов, которые встречались с членами посольства, явившимися позондировать их настроение, кратко отвечали, что, если Антиох оставит самостоятельными эллинов в Азии и не будет нападать на Европу, он будет другом римлянам, если захочет.

Вот что ответили римляне, и к своему ответу они не прибавили никаких обвинений.

7. Антиох, собираясь прежде всего напасть на Грецию и оттуда начать войну с римлянами, предложил карфагенянину Ганнибалу высказать свое мнение об этом плане. На это Ганнибал сказал, что Греция, давно уже истерзанная, является делом легким для его завоевательных планов; что для всех войны, ведущиеся в их стране, тягостны, так как от этого возникает голод; войны же вне их страны много легче. Антиох никогда не сломит сил римлян в Греции, так как у них будет в изобилии местное продовольствие и достаточное снабжение. Поэтому он посоветовал Антиоху захватить какую-либо часть Италии и, двигаясь оттуда, воевать с римлянами, так чтобы их положение и внутри страны, в вне ее стало более шатким. «Я имею опыт с Италией,—сказал он,—и с десятью тысячами людей могу захватить в ней удобные места и послать в Карфаген к друзьям с поручением поднять народ, уже давно недовольный и не имеющий никакой верности римлянам; он тотчас же исполнится смелости и надежд, если услышит, что я вновь опустошаю Италию». Антиох с удовольствием выслушал его слова и, считая, что приобрести себе помощь для войны в лице Карфагена дело большое.—и это действительно было так,—велел ему тотчас же послать людей с поручением к своим друзьям.

8. Но писем Ганнибал не стал посылать (это он считал не безопасным, так как римляне всё выслеживали, а война еще не была открыто объявлена; да и в Карфагене у него было много противников; самый политический строй не был прочен и упорядочен, что и привело вскоре к гибели Карфагена); он решил послать к своим друзьям тирийского купца Аристона, под предлогом торговых дел, требуя, чтобы они тогда, когда сам он вторгнется в Италию, подняли Карфаген для отомщения за перенесенные обиды. Аристон так это и сделал. Враги Ганнибала, заметив пребывание Аристона в их городе, подняли шум, говоря, что готовится переворот, и разыскивали Аристона по всему городу. Тогда Аристон, чтобы клевета пала не исключительно на друзей Ганнибала, тайно ночью представил совету

письменный доклад о том, что Ганнибал призывает всех членов совета в союзе с Антиохом помочь родине. Сделав это, он отплыл. С наступлением дня у друзей Ганнибала вследствие такого умного поступка пропал страх, так как можно было подумать, что Аристон был послан ко всему совету старейшин; тем не менее город наполнился шумными толками, так как к римлянам относились враждебно, но не думали, что можно что-либо предпринять втайне от римлян.

9. Таковы были отношения с Карфагеном. Римские послы, другие, возглавляемые Сципионом, победителем Карфагена, отправленные для подобного же испытания образа мыслей Антиоха и для ознакомления с его приготовлениями, обнаружили, что царь уже выступил в Писидию; они поэтому оставались в Эфесе и там часто встречались и беседовали с Ганнибалом, так как с Карфагеном у них продолжали существовать договорные отношения, а с Антиохом не было еще явно враждебных. Они бранили Ганнибала за то, что он бежал из отечества, так как римляне не нарушили своих договорных обещаний ни по отношению к нему, ни по отношению к другим карфагенянам. Они так действовали, желая, чтобы Ганнибал стал подозрительным для царя вследствие постоянного общения и встреч с ним. Ганнибал, величайший стратег, не сообразил этого; царь же, узнав об этом, стал относиться к нему подозрительно и с этого времени стал не так искренно верить ему. А к тому же у него появилась к Ганнибалу и зависть, как бы слава за все дела не досталась Ганнибалу.

10. Говорят, что во время этих бесед в гимнасии как-то разговорились между собою Сципион и Ганнибал об искусстве вождя в присутствии очень многих. Сципион спросил Ганнибала, кого считает он лучшим вождем. Ганнибал ответил: «Александра Македонского». Сципион отнесся спокойно к этому заявлению, означавшему, что Александр стоит выше его, и спросил, кого же он считает вторым после Александра? Ганнибал тогда сказал: «Ширра, царя Этира». Очевидно, доблесть вождя он полагал в дерзании, а более дерзковенно действовавших, чем эти цари, нельзя найти никого. Сципион, уже почувствовавший обиду, однако еще раз спросил его, кому же он отдает третье место? Конечно, он был вполне уверен, что получит это третье место. Но Ганнибал ответил: «Себе; будучи еще юным, я завоевал Иберию и первый после Геракла с войском перешел через Альпы, вторгшись в Италию,—такой смелости из вас никто никогда не проявлял,—я завоевал четыреста городов и часто приводил вас к необходимости бояться за ваш собственный город, причем из Карфагена мне не посылали ни денег, ни войска». Когда Сципион увидал, что он хочет продолжать самовосхваление, засмеявшись, сказал ему: «на какое же место ты бы, Ганнибал, поставил себя, если бы не был мной побежден?» Говорят, что Ганнибал, тут уже заметив завистливую ревность, сказал: «Тогда я поставил бы себя выше Александра». Так Ганнибал не отказался от своего высокомерного тона, но незаметно польстил Сципиону, дав понять, что он победил того, кто выше Александра.

11. Когда они расходились, Ганнибал стал приглашать Сципиона к себе в гости, но Сципион ответил, что он охотно бы зашел к нему, «если бы ты не был у Антиоха, отношения которого с римлянами довольно подозрительны».

Так они достойно великих вождей свою вражду ограничили войной, но не так поступил Фламинин. Когда впоследствии Антиох был побежден и Ганнибал бежал отсюда и блуждал по Вифинии, Фламинин, отправленный к Прусию в качестве посла по другому вопросу, не получив раньше от Ганнибала никакой обиды, не имея и от римлян такого поручения, так как после покорения Карфагена он уже не мог быть страшным для римлян, при посредстве Пруссия добился того, чтобы Ганнибал погиб

от яда ². Есть предание, что некогда Ганнибал получил предсказание, которое гласило так: «Земли ливийской пласт покроет тело Ганнибала»; он поэтому думал, что умрет в Ливии; но в Вифинии есть река Ливисса, и это место называется долиной Ливийской.

Этот рассказ я передал как памятник высокого духа Ганнибала и Сципиона и душевной низости Фламиния.

12. Тем временем Антиох вернулся из Писидии в Эфес и, дав аудиенцию римским послам, заявил, что предоставит автономию родосцам, византийцам и жителям Кизика, а также и другим эллинам в Азии, если у него будет союзный договор с римлянами, но Эолии и Ионии этой автономии он не даст, так как издревле они привыкли быть подданными даже варварских царей в Азии. Римские послы не пришли с ним ни к какому соглашению (ведь они прибыли не по делу о соглашении, но для зондирования его настроения), и с этим они вернулись в Рим. К Антиоху же прибыли послы этолийцев, во главе которых стоял Тоас; они объявили Антиоха полномочным военачальником этолийцев и приглашали переплыть в Грецию, как на готовое дело. Они не позволяли ему ждать войска, возвращавшегося из Центральной Азии, но, превознося силы этолийцев, заявляя, что и лакедемоняне, а кроме лакедемонян также Филипп Македонский, полный гнева на римлян, будут их союзниками, они торопили его с переходом. Антиох очень легкомысленно воспылал решимостью, и даже полученное им известие о смерти сына в Сирии не приостановило его стремительности. Только с десятью тысячами, которые он тогда имел при себе, он переправился в Эвбею. Самолучно он занял весь остров, сдавшийся ему под влиянием страха; а его полководец Микитион ³, напав на римлян около Делия (это было место, посвященное Аполлону), часть из них убил, а других взял в плен.

13. Царь атаманов, Аминандр, вступил в союз с Антиохом по следующему поводу. Был некий македонянин Александр, воспитанный и живший в Мегалополе и удостоенный там права правления; он стал рассказывать сказки о своем родстве с Александром, сыном Филиппа, и, чтобы внушить доверие к своим рассказам, он назвал своих сыновей Филиппом и Александром, а дочь — Апамою, которую он сосватал за Аминандра. Ее брат Филипп повез ее для брака и, когда увидал, что Аминандр — человек слабый и неопытный в делах, он остался там, в качестве родственника, взяв управление в свои руки. Этого-то Филиппа Антиох привлек на свою сторону обещанием, что он даст ему власть над Македонией, как над страной его предков, и благодаря этому он получил атаманов в качестве союзников, а кроме них — фивян, сам прибыв в Фивы и выступив перед народом с речью.

В столь важной войне Антиох весьма легкомысленно полагался на силы фивян, на Аминандра и на этолийцев; относительно Фессалии он только размышлял, нужно ли сейчас двинуться на нее с войском или же после зимы. Ганнибалу, который при совещании об этом сидел молча, Антиох велел первому ⁴ высказать свое мнение.

14. Тогда Ганнибал сказал: «Покорить фессалийцев дело нетрудное, хочешь ли ты пойти на них теперь или после зимы. Этот народ устал от великих страданий и легко перейдет теперь на твою сторону, затем опять на сторону римлян, если события примут новое направление. Мы пришли сюда без собственных сил, поверив этолийцам, которые нас сюда завлекали, что и лакедемоняне и Филипп будут нашими союзниками; но из них, как

² Ливий (39, 51), как и Плутарх, говорит о добровольной смерти.

³ Ливий (35, 31) называет его Мениппом.

⁴ Юстин (31, 51), напротив, говорит, что Ганнибал последним высказал свое мнение.

я слышу, лакедемоняне даже готовы воевать против нас в союзе с ахейцами, а Филиппа я не вижу рядом с тобою; а ведь в этой войне он может дать перевес той стороне, на которую он станет. Мое мнение остается прежним, — возможно скорее вызвать войско из Азии, а не надеяться на Аминандра и этолийцев; и когда войско прибудет, — опустошать Италию, для того чтобы отвлеченные домашними бедствиями, римляне менее всего могли бы причинять тебе неприятности и, боясь за свое положение, они не могли бы никуда двинуться. Твой образ действий теперь должен быть вовсе не тот, о котором я говорил раньше, но с половиной кораблей надо опустошать побережье Италии, а другая половина должна находиться в засаде, в удобном месте, выжидая подходящего момента; ты же сам со всем своим войском, занимая передовые позиции в Греции, недалеко от Италии, должен заставлять думать, что собираешься совершить вторжение, и если как-нибудь будешь в состоянии, то и вторгнуться. Филиппа надо постараться всяким способом привлечь на свою сторону, так как в этой войне он имеет наибольшее значение для той и другой стороны. Если же он не послушается тебя, пошли против него своего сына Селевка через Фракию, чтобы и он, отвлекаемый домашними бедами, ни в чем не мог быть полезен твоим врагам». Вот что сказал Ганнибал, это было наилучшее, но вследствие зависти к его славе и его таланту все другие, и не меньше других сам царь, отвергли все его предложения, чтобы не показалось, что Ганнибал превосходит их всех талантом вождя, и чтобы слава будущих побед не была приписана ему. Только одно предложение его было принято, и Поликсенд был послан в Азию за войском.

15. Когда римляне узнали о вторжении Антиоха в Грецию, об избении и пленении римлян при Делии, они решили начать войну. Таким образом, война между Антиохом и римлянами, давно уже намечавшаяся и той, и другой стороной, тогда впервые проявилась как факт. Так как Антиох был властителем всей Внутренней Азии, многих народов и, за небольшим исключением, всей приморской области, так как он уже стоял твердой ногой в Греции, имел славу страшного завоевателя и достаточное снаряжение, так как он совершил в войнах против других народов много блестящих подвигов, откуда и пошло его прозвище «Великий», то римляне опасались, что война для них будет длительной и тяжелой. Под большим подозрением был у них Филипп Македонский, недавно побежденный ими, и карфагеняне: они боялись, будут ли они, карфагеняне, сохранять верность договору с ними, так как ведь Ганнибал был у Антиоха. И относительно других подчиненных им народов у них было подозрение, как бы с их стороны, в надежде на Антиоха, не произошло какое-либо восстание. Поэтому они к ним все послали войска для мирного за ними наблюдения и с войсками послали предводителей, которых они сами называют «шести-секирными» (преторами). Дело в том, что консулы имеют свиту с 12 топорами и 12 связками, как некогда цари; а эти предводители имеют половину достоинства и потому половину знаков почета. Как это бывает при большом страхе, римляне беспокоились и за Италию, будет ли она им верна и постоянна в войне с Антиохом. Они поэтому послали большое пешее войско в Тарент наблюдать за возможным вторжением, а флот должен был плавать вдоль побережья. Таков был страх в первое время перед Антиохом. Когда ими было приведено в порядок все, что касается их собственной страны, они уже против самого Антиоха набрали двадцать тысяч своих граждан, вдвое больше из числа союзников, чтобы с наступлением весны все это перекинуть через Ионийское море.

Вся зима прошла у них в этих приготовлениях.

16. Антиох же направился против фессалийцев и, придя в Киносфалы, где римлянами было нанесено поражение македонянам, он

похоронил со всей пышностью останки тех, которые там пали, еще оставшиеся непогребенными, ища популярности среди македонян и вызывая среди них недовольство против Филиппа за то, что он не похоронил павших в бою за него. Когда услышал об этом Филипп, который еще колебался и все присматривался, на чью сторону ему стать, он тотчас выбрал быть на стороне римлян и, пригласив их военачальника Бебия, командовавшего поблизости какой-то частью войска, прибыть к нему в какое-то укрепление, вновь дал римлянам торжественные уверения, что без обмана будет их союзником против Антиоха. Бебий стал хвалить его за такое решение и, осмелев, тотчас же послал через Македонию в Фессалию Аппия Клавдия с двумя тысячами пехотинцев. Аппий, увидев с Темпейского перевала Антиоха, осаждавшего Лариссу, зажег много огней, скрывая малочисленность своего войска. Антиох же, испугавшись в предположении, что явились вместе Бебий и Филипп, снял осаду, выставляя предлогом зиму, и вернулся в Халкиду; там он влюбился в очень красивую девушку, и, хотя ему было свыше 50 лет и он вел столь ответственную войну, он стал справлять свадьбу и устраивать празднества, а свои войска в течение всей зимы он держал в праздности, позволяя вести роскошный образ жизни. С наступлением весны, вторгнувшись в Акарнанию, он заметил распущенность войска, ставшего во всех отношениях бесполезным для военных действий; и тогда пожалел он и о своей свадьбе и о празднествах. Все же, подчинив себе часть Акарнании, он собирался захватить все остальное; но, как только он услышал, что римляне переправляются через Ионийское море, он вновь вернулся в Халкиду.

17. Римляне со всей поспешностью с бывшими у них готовыми двумя тысячами всадников, с двадцатью тысячами пехоты и несколькими слонами, под начальством Ацилия Манния Глабриона, переправились из Брундизия в Аполлонию, оттуда они двинулись в Фессалию и освободили города от осады, а где были гарнизоны атаманов, эти гарнизоны они изгнали. Они захватили в плен Филиппа из Мегалополиса, все еще надеявшегося получить власть над Македонией. Они взяли в плен также до трех тысяч из воинов Антиоха. Пока Манний совершал эти операции, Филипп, вторгшись в область атаманов, всю ее подчинил себе; Аминандр бежал в Амбракию. Когда все это стало известно Антиоху, он, пораженный быстротой событий, испугался, как бывает при неожиданной и быстрой перемене, и понял он тогда всю правильность советов Ганибалла. Он стал одного за другим отправлять вестников в Азию к Поликсениду, торопя его с переправой войск, а сам отовсюду стал собирать все те силы, которые у него были. Когда у него собралось собственных войск десять тысяч пехоты и пятьсот всадников и, сверх этого, некоторое количество союзников, он занял Фермопилы, чтобы противопоставить наступлению врагов трудно проходимую местность и дожидаться войска из Азии. Фермопилы представляют собой узкий и длинный проход; их окружает с одной стороны море, с острыми подводными камнями при полном отсутствии гаваней, с другой — непроходимое и бездонное болото. Здесь поднимаются две отвесные горные вершины, и одну из них называют Тейхиунтом, а другую — Каллидромом. Это место имеет горячие источники и от этого оно и получило свое название Фермопил — «Ворота горячих источников».

18. И вот там Антиох возвел двойную стену, а на стену поставил машины. На вершины гор он послал этолийцев, чтобы никто незаметно не мог обойти его по так называемой «непроходимой тропе» (Атрапон); это тот путь, по которому Ксеркс напал на Леонида с его спартамцами, так как тогда горы оставались неохраемыми. Этолийцы поставили на каждую из этих вершин по тысяче человек, с остальным войском они по собственному усмотрению стали лагерем около города Гераклеи. Когда Манний увидал

приготовления врагов, он дал приказ начать битву утром. Двум военным трибунам, Марку Катону и Люцию Валерию, он велел ночью, взяв сколько каждый хочет отборных воинов, обойти горы и постараться согнать с вершины этолийцев. Люций был отбит от Тейхиунта, так как тут этолийцы держались хорошо; Катон же, обойдя Каллидром, застал врагов еще спавшими, напав на них в конце ночной стражи. У него завязался здесь сильный бой, но он пробился на вершину, хотя враги сильно защищали крутизны. Тем временем и Маний, разделив войско на растянутые отряды, повел его против Антиоха, выстроившего свое войско длинным фронтом; только так он мог пройти по теснякам. По приказу царя легковооруженные и пелтасты должны были сражаться перед фалангой, а фалангу он поставил перед лагерем, на ее правом⁵ крыле, у подножья горы—стрелков и пращников, на левой—слонов, а густые ряды воинов, которые всегда ставятся вместе с ними,—вдоль морской линии.

19. Когда сражение перешло в рукопашный бой, то вначале легковооруженные, со всех сторон налетая на врагов, причиняли много неприятности Манию. Когда же с большим трудом принимая их налеты, отступая и затем опять наступая, он обратил их в бегство, то фаланга, построенная по македонскому образцу, расступилась, приняла их к себе и, сойдясь, прикрыла их и, сохраняя строй, выставила густые ряды копий. Со времени Александра и Филиппа македоняне особенно этим пугали своих врагов, не осмеливавшихся приблизиться к выдвинутым против них многочисленным длинным копьям. Но внезапно увидели этолийцев, бегущих с криком от Каллидрома и несущихся к лагерю Антиоха. Вначале и та, и другая сторона была в неведении, что случилось, и, как бывает при неведении, произошло замешательство. Когда же появился Катон, преследующий их с большим криком, и оказался уже над лагерем Антиоха, то войско царя испугалось: и много раньше слышали они страшные рассказы о том, как ведут бои римляне, и о себе они знали, что вследствие безделья и роскошной жизни в продолжение всей зимы они испортились и стали неспособны к энергичным действиям. Не видя ясно, сколько было с Катоном, но в страхе считая, что их больше, чем на самом деле, и боясь за свой лагерь, они в беспорядке бежали туда с тем, чтобы оттуда отражать врагов. Римляне, преследуя их по пятам, вместе с ними ворвались в лагерь, и тут началось второе беспорядочное бегство антиоховцев. Маний преследовал их до Скарфеи, убивая и забирая в плен, а затем, вернувшись от Скарфеи, разграбил царский лагерь, а этолийцев, которые во время отсутствия римлян набежали в их укрепления, он прогнал одним своим появлением.

20. Во время сражения и преследования у римлян погибло около двухсот человек, а у Антиоха, считая и взятых в плен, около десяти тысяч. Сам царь при первом же бегстве своего войска с пятьюстами всадников без оглядки бежал в Элатею, а из Элатей в Халкиду, а затем в Эфес вместе со своей молодой женой, Эвбеей—она ее так называл—на кораблях: да и они у него уцелели не все: некоторые из них, перевозившие продовольствие, были потоплены римским навархом, появившимся здесь из открытого моря. Когда римляне в столице узнали об этой победе, оказавшейся для них столь быстрой и легкой, они стали приносить жертвы, радуясь первому счастливому испытанию над страшной славой Антиоха. Желая воздать благодарность Филиппу за его помощь, они отпустили к нему его сына Деметрия, который еще оставался у них в качестве заложника.

⁵ Ошибка Аппиана. Более правильную картину боя дает Ливий (36, 48).

21. Таковы были дела в Риме. Тем временем Манций по их усиленной просьбе освободил от страха наказания фокейцев и халкидян и всех других, которые имели дело с Антиохом; Этолию же и он и Филипп стали опустошать и завоевывать их города. Манций захватил тут в плен скрывавшегося в этих местах Дамокрита, стратега этолийцев, который грозил Фламинину, что станет лагерем на берегу Тибра. Затем Манций у Каллиполя пошел через гору, которую называют Коракс, самую высокую из гор, непроходимую и крутую, ведя свое войско, которое было сильно нагружено добычей; и многие падали с крутизны вследствие бездорожья; иной раз их увлекало вниз, и их оружие, и их скарб. И этолийцы легко могли бы привести их в большой беспорядок, но они ни разу здесь не показали, а отправили в Рим посольство просить о мире. Антиох же спешно созывал войско из внутренних областей к морю, готовил корабли, поставив начальником над ними Поликсенида, беглеца из Родоса. Переплыв в Херсонес, он вновь его укрепил, а равно привел в боевую готовность Сест и Абидос: он считал, что римская армия должна была бы этой дорогой проникнуть в Азию. Делая Лисимахию складочным пунктом для этой войны, он стал свозить в нее большое количество оружия и большие запасы хлеба; он ожидал, что в ближайшее время римляне нападут на него с большим сухопутным войском и большим флотом. Тем временем римляне выбирают преемником Манция в ведении войны Юция Сципиона, который тогда был у них консулом, но так как он был нерешителен и неопытен в военных делах, они выбирают ему в качестве советника его брата Публия Сципиона, того, который лишил карфагенян их военного превосходства и первый получил прозвище Африканского.

22. Сципионы еще только готовились к походу, как Ливий, охранявший Италию, выбранный преемником Атилию в звании наварха, тотчас же на своих кораблях, на которых он объезжал берега Италии, вместе с несколькими карфагенскими, данными ему, и другими союзническими приплыл в Пирей, и, взяв от Атилию войско, он поплыл на 81 тяжелых судах-катафрактах; с ним плыл Эвмен на пятидесяти своих, и у него половина была тяжелых. Они спустились к Фокее, которая хотя была подчинена Антиоху, но под влиянием страха приняла их, а на следующий день они выплыли в море для морского боя. Выплыл против них и наварх Антиоха Поликсенид на двухстах кораблях, намного более легких, чем неприятельские. И в этом было его большое преимущество, так как римляне еще не были привычны к этому морю. Видя два карфагенских корабля, плывших впереди, Поликсенид послал три корабля из своих и захватил эти два, но пустых, так как ливийцы попрыгали в море. На эти три корабля тотчас, полный гнева, двинулся Ливий на своем корабле военачальника, намного опередив свой флот. Так как корабль был один, то они, полные презрения, набросили на него железные лапы, и, когда корабли стали борт-о-борт, бой завязался, как на твердой земле. Намного превосходя своей смелостью, римляне перешли на неприятельские суда и победили; таким образом они вернулись, ведя вместе с одним кораблем два других. Таково было предварительное столкновение перед морским боем. Когда же оба флота напали друг на друга, то благодаря силе и решимости римляне одержали верх, но ввиду тяжести своих судов они не могли захватить врагов, убежавших от них на своих легких судах. Сирийцы в своем стремительном бегстве спаслись в Эфес, римляне же пристали к Хносу, куда к ним прибыли союзные родосские суда в числе двадцати семи. Антиох, узнав об этой морской битве, послал Ганнибала в Сирию, чтобы привести сюда новые суда из Финикии и Киликии. Когда Ганнибал собирался вернуться, родосцы заперли его в Памфилии и захватили некоторые из его судов, а за остальными, устроив засаду, они следили.

23. Тем временем Публий Сципион, прибыв в Этолию вместе с консулом и приняв войско от Мания, оставил без внимания осаду этолийск их городов как дело маленькое, и вновь на просьбу этолийцев предписал им отправить послов в Рим по поводу своих дел; но он торопился двинуться против Антиоха, раньше чем кончится срок командования у брата. Он пошел через Македонию и Фракию к Геллеспонт; эта дорога была бы для него трудной и тяжелой, если бы Филипп Македонский не приготавливал для него дороги, не принимал и не сопровождал его, заранее наведя мосты и приготовив рынки. За это Сципионы тотчас же освободили его от уплаты недоимок, получив на это полномочие от сената, если они найдут его готовым им служить. Они послали и к Пруссию, царю Вифинии, перечисляя ему, сколько царям, вступившим в союз с римлянами, они увеличили их царство. Примером может служить, говорили они, Филипп, царь Македонский: победив его на войне, они все же оставили его царем, «его сына, бывшего у нас заложником, мы ему отпустили, равно освободили и от уплаты остальных сумм долга». Обрадованный всем этим, Прусией согласился быть их союзником в войне с Антиохом.

Когда наварх Ливий узнал о движении Сципионов, он оставил родосца Павсимаха⁶ с родосскими кораблями и с частью своего флота в Эоллии, с большею же частью кораблей он отплыл в Геллеспонт, чтобы ожидать там пешее войско. Сест, Рэтей и Ахейская гавань, а также некоторые другие места, перешли на его сторону, а Абидос, который отказался повиноваться, он стал осаждать.

24. Когда Ливий отплыл, то Павсимах стал производить различные опыты и маневры со своим флотом, устроил различные машины, приделал к длинным шестам огненосные железные сосуды; этот огонь должен был висеть над морем, так чтобы от своих кораблей он был далеко, но попадал на неприятельские суда при их приближении. Пока он занимался этим делом, хитро устроил ловушку Поликсенид, наварх Антиоха, бывший тоже родосцем, но по некоторым причинам изгнанный из отечества: он обещал Павсимаху, что отдаст в его руки флот Антиоха, если он согласится содействовать ему в вопросе о возвращении на родину. Павсимах относился подозрительно к этому коварному и способному на всякое преступление человеку и долгое время оберегал себя от него. Но когда Поликсенид написал ему собственноручное письмо о своей готовности совершить измену и с этой целью отплыл из Эфеса и сделал вид, что рассылает свое войско за продовольствием, Павсимах, видя его отплытие и не представляя себе, чтобы кто-нибудь послал собственноручное письмо относительно измены, не имея твердого намерения ее выполнить, совершенно уверился, снял стражу и сам разослал своих для заготовки хлеба. Когда Поликсенид увидал, что Павсимах попался в ловушку, он тотчас собрал все, что ему надо было для выполнения, а Никандра, пирата, он послал с небольшими экипами на Самос, чтобы на суше с тыла произвести замешательство в войске Павсимаха. Среди ночи он отплыл и сам и приблизительно в утреннюю стражу попал на врагов, еще спавших. Павсимах при таком внезапном и нежданном бедствии приказал воинам покинуть корабли и с суши отбиваться от врагов. Но когда с тылу на него напал Никандр, Павсимах, считая, что и суша занята не только теми, кого можно было видеть, но, как это бывает при ночных смятениях, гораздо большим числом, пришел в замешательство и вновь велел садиться на корабли. Он первый выходит на бой и первый, со славой сражаясь, погибает. Из остальных одни были взяты в плен, другие погибли. И из кораблей только семь, которые несли огонь, так как никто из-за пламени не решался к ним приближаться,

⁶ Ливий называет его Павсистератом.

сумели бежать, остальные же двадцать он на буксире привел с собою в Эфес.

25. После этой победы Фокея, Самос и Кумы вновь перешли на сторону Антиоха. Ливий, испугавшись за свои собственные корабли, которые он оставил в Эолии, поспешно возвратился к ним. К нему поспешил Эвмен, а родосцы прислали римлянам другие двадцать кораблей. После короткого промежутка все вновь воспрянули духом и отплыли к Эфесу, готовые к морскому бою. Так как никто против них не выходил, то половину кораблей они на долгое время поставили на показ посреди моря, а с остальными, пристав к неприятельской земле, они стали ее опустошать, пока Никандр⁷, напав на них из глубины страны, не отнял у них добычи, а их самих преследовал до самых кораблей.

Римляне вновь вернулись на Самос. Окончилось время морского командования Ливия.

26. В то же время Селевк, сын Антиоха, стал опустошать землю Эвмена и осадил Пергам, заставив людей запереться в городе. Поэтому Эвмен спешно переправился в Элею—это была гавань его царства— и с ним Люций Эмилий Регилл, принявший от Ливия главное командование на море. Прибыл и от ахейцев вспомогательный отряд Эвмену в составе тысячи пехотинцев и ста отборных всадников. Их полководец Диофан⁸, увидав со стены, как люди Селевка в беспечности играют и пьют, стал убеждать пергамцев сделать вместе с ним вылазку против врагов. Так как они не соглашались на такое предприятие, он вооружил тогда свою тысячу и своих сто всадников, и двинувшись вперед, стал под стеной и дальше никуда не двигался. Враги не обращали внимания на них, поскольку видели, что их немного и что они не решаются вступить в рукопашный бой. Но, когда люди Селевка стали обедать, Диофан, сделав на них нападение, привел в смятение и отгеснил сторожевые отряды; когда же другие бросились к оружию, стали взнуздывать коней, гоняться за убегающими или с трудом садиться на беспокойных коней, Диофан одержал над ними блестящую победу. При этом жители Пергама со стены громкими криками приветствовали его победу; но и тогда они не решились выступить. Убив сколько он мог при таком быстром показе мужества, а некоторых взяв в плен, и мужей, и коней, он спешно вернулся назад. На следующий день он опять поставил ахейцев под стеною: пергамцы и на этот раз не вышли с ним. Селевк с большим количеством всадников стал приближаться к нему, вызывая его на сражение. Но Диофан тогда не двигался с места, стоял у самой стены, но был настороже. Когда же Селевк, прождав до полудня, когда его всадники уже устали, повернул назад и стал уходить, тогда Диофан, напав на его арьергард, привел его в замешательство и причинив ему сколько возможно потерь, быстро вновь отступил под прикрытые стены. И таким образом, делая постоянно на него хитрые нападения и во время экспедиций за хлебом, и за дровами и постоянно, так или иначе причиняя ему затруднения, он заставил Селевка уйти от Пергама и изгнал его из всех других областей царства Эвмена.

27. Немного времени спустя у Поликсенида произошел морской бой с римлянами у Мионнеса: Поликсенид вступил в этот бой с 90 тяжелыми судами, а Люций, наварх римлян, имел 83, из них 25 были от родосцев. Их начальник Эвдор был поставлен на левом крыле; увидав же, что Поликсенид намного превосходит римлян и с того, и с другого фланга, он испугался, как бы не быть окруженным, и быстро перегнал их, так как суда

⁷ Ливий (37, 13) говорит, что это был Андронин, македонянин, начальник гарнизона в Эфесе.

⁸ Ученик в военном деле знаменитого Филонемена.

у него были легкие и гребцы опытные в морском деле; он первым и повел против Поликсенида огненосные суда, со всех сторон блиставшие огнем. Корабли Поликсенида не решились напасть на них вследствие огня, но объезжали вокруг них; при этом они наклонились и зачерпнули воды; они ударились о боевые балки, пока родосский корабль не сделал нападения на сидонский; удар был настолько силен, что якорь сидонского корабля упал на родосский и связал их обавместе. Корабли стали недвижимыми, и экипажи их вступили в бой как бы на твердой земле. На помощь им с обеих сторон подошло много кораблей, и с той и с другой стороны началось блестящее соревнование в храбрости; вследствие этого центр кораблей Антиоха оказался открытым и римские корабли, продвинувшись, стали окружать врагов, которые этого все еще не замечали. Когда же они это поняли, то повернули назад и бежали. У Антиоха погибло без одного 30 кораблей, из них 13 было захвачено со всеми людьми. У римлян погибло всего два судна. И Поликсенид, ведя за собой родосский корабль, ушел в Эфес.

28. Таков был конец морской битвы у Мионнеса. Еще не зная о ней, Антиох старательно укреплял Херсонес и Лисимахию, считая это важным делом, как это и было на самом деле, для войны против римлян; да и вся Фракия была бы для них неудобной для прохода с войском и трудно проходимой вследствие плохих дорог, если бы Филипп не проводил их. Но Антиох был и в остальных делах человеком легкомысленным и с быстро меняющимся настроением. Когда он узнал о поражении при Мионнесе, он совсем пал духом, считая, что против него действует злой рок. Все идет против всяких ожиданий: римляне властвуют на море, где он считал, что намного их превосходит; родосцы заперли Ганнибала в Памфилии; Филипп провел римлян по непроходимым дорогам, а он думал, что Филипп должен был особенно помнить зло, которое он претерпел от римлян. Всем этим он был приведен в расстройство, а божество, как это случается со всеми при наступлении несчастий, лишило его способности здраво рассуждать: поэтому он неразумно покинул Херсонес, прежде чем встретиться лицом к лицу с неприятелем, и не увез оттуда, сколько у него было собрано там хлеба, оружия, денег, машин, не сжег даже их, но в неприкосновенности оставил врагам все эти запасы. Он не обратил никакого внимания на жителей Лисимахии, сбегавшихся к нему с женами и детьми, с великим плачем, как будто из осажденного уже города. Он думал только о том, как бы помешать врагам переправиться у Абидоса, и все еще оставшуюся у него надежду на благополучное окончание войны он полагал в этом. Как бы пораженный от божества слепотою, он и переправу не сумел охранить, но поспешил уйти в глубь страны, торопясь предупредить врагов, а на переправе не оставил никакой охраны.

29. Когда Сципионы узнали о его отступлении, они стремительно заняли Лисимахию и, овладев всеми богатствами и оружием в Херсонесе, они спешно перешли через Геллеспонт, оставленный пустынным и без охраны, и успели оказаться (в Азии) раньше, чем это стало известно Антиоху, оставшемуся в неведении в Сардах. Пораженный этим, Антиох впал в отчаяние, и, собственные ошибки свои приписывая злему року, он послал византийца Гераклида к Сципионам вести переговоры о прекращении войны, отдавая им Смирну, Александрию на Границе и Лампсак, из-за которых он и начал с ними войну, и обещая уплатить половину военных расходов. Он поручил, если будет необходимо, отдать им из понийских и эолидских городов те, которые в этой войне стояли на стороне римлян, и то, чего Сципионы потребуют. Гераклид получил право говорить об этом открыто, частным же образом он нес от Антиоха Публию Сципиону обещание уплатить крупную сумму денег и отпустить на сво-

боду его сына. Антиох взял его в плен в Греции, когда он плыл в Деметриаду из Халкиды. Этот мальчик был тот Сципион, который позднее взял Карфаген и его разрушил, и после этого Сципиона он вторым получил имя Африканского; он был сыном Павла, победившего Персея, царя Македонского; Сципиону же он по роду был сыном дочери, а по усыновлению—сыном⁹. Сципионы совместно дали Гераклиду ответ, что если Антиох нуждается в мире, то он должен отказаться не только от ионийских и эолийских городов, но и ото всей области по сю сторону Тавра; он должен оплатить все расходы по этой войне, происшедшей из-за него. Частным же образом Публий сказал Гераклиду, что если бы Антиох предложил такие условия, когда он еще владел Херсонесом и Лисимахией, то римляне охотно их бы приняли; может быть, даже и в том случае, если бы он хотя бы охранял переправу через Геллеспонт; теперь же, когда они переправились и находятся в безопасности, когда они, как говорится по пословице, наложили на коня узду и сверх узды сели на коня верхом, они не примут заключения мира на меньших условиях. Сам он очень признателен царю за его любезное предложение и еще больше будет чувствовать признательность, получив от него сына; он готов отвечать ему тем же и советует ему принять предложенные условия, прежде чем ему придется испытать предъявление более тяжелых требований.

30. Сказав так, Публий вследствие болезни удалился в Элею, оставив брату в качестве советника Гнея Домиция. Антиох, так же как и Филипп Македонский, полагая, что, даже если он проиграет войну, у него не будет отнято больше, чем заключено в предъявленных ему требованиях, стянул свое войско на равнину Тпатиры, недалеко от неприятелей, а Сципиону отослал его сына в Элею. Привезшим его Сципион советовал, чтобы Антиох не вступал в сражение, пока он сам не вернется назад. Следуя этому совету, Антиох разбил второй лагерь около горы Сипила и окружил его крепкой стеной; он воспользовался рекой Фригием как передовым укреплением против врагов, чтобы не быть вовлеченным в сражение против своей воли. Домиций, полный честолюбивого стремления, чтобы война была окончена только при нем, очень смело перешел через реку и на расстоянии 20 стадий от Антиоха стал лагерем. Четыре дня подряд оба они вытраивали свои войска около этого укрепления, но боя не начинали. На пятый день Домиций вновь выстроил своих и самоуверенно стал подниматься в гору. Так как Антиох не выходил против него, тогда он расположил другой лагерь ближе к врагам и, пропустив еще один день, во всеуслышание объявляет врагам, что завтра Антиоху, хотя бы он этого не хотел, придется вступить в сражение. Антиох, приведенный всем этим в волнение, вновь изменил свое решение, и, хотя он мог просто стоять под стенами <своего лагеря> или отбиваться вполне удачно под защитой стен, пока Публий не поправится, он счел для себя постыдным, имея более многочисленное войско, избегать сражения. Поэтому он двинул свои силы в бой.

31. Еще ночью, перед концом стражи, оба вывели свои войска, и каждый из них следующим образом расположил их. Левое крыло занимали 10 000 римских тяжелооруженных, у самой реки; за ними шли другие десять тысяч италийцев; все они стояли в три ряда в глубину. Рядом с италийцами стояло войско Эвмена и ахейские легковооруженные в количестве 3 000. Так было выстроено левое крыло; на правом же стояли всадники: римские, италийские и Эвмена, всего тоже не более 3 000. К ним всем были присоединены в большом количестве легковооружен-

⁹ Тут крупная ошибка Ашиана, или позднейшая вставка. Сципион Младший был усыновлен именно тем Сципионом, о пленении которого идет здесь речь.

ные и стрелки, а вокруг самого Домиция было четыре отряда всадников. Таким образом, всех их было около 30 000; во главе правого крыла стоял сам Домиций, в центре он поставил консула, а левое крыло он поручил Эвмену. Что касается слонов, которых он имел из Ливии, то, считая, что от них не будет никакой пользы—их было меньше, чем у врагов, и они ростом были короче, как все ливийские (а меньшие боялись более крупных),—он их поставил позади всех.

32. Так были построены римляне. У Антиоха все войско состояло из 70 000; из них самая сильная часть была македонская фаланга—16 000 человек, выстроенная так, как ее организовали Александр и Филипп. Он поставил ее в центре, разделив на 10 частей, по 1600 человек в каждой, и в каждой этой части по фронту было 50 человек, а в глубину—32; на флангах каждой части стояли слоны, всего 22. Вид этой фаланги представлял подобие стены, а слоны—башен. Таково было пешее войско Антиоха; что касается конницы, то с каждой стороны у него стояли галаты, одетые в тяжелое вооружение (катафракты), и так называемая гвардия (агема) македонян. То были отборные всадники и потому и носили такое название. Оба эти отряда, равные по численности, стояли с той и с другой стороны фаланги. Рядом с ними фланги занимали—правый некоторые легковооруженные и другие всадники с серебряными щитами и конные лучники в количестве двухсот; на левом же фланге стояли племена галатов—тектозаги, трокмы, толитобии, некоторые каппадокийцы, которых прислал Арпарат, и смешанные отряды иноземных войск, за ними другая конница в панцырях и еще другая, легковооруженная, которую называли «конницей гетеров». Так Антиох построил свое войско. Кажется, что все свои надежды он возлагал на конницу, которую густыми рядами он поставил по фронту, фалангу же, вопреки всем правилам войны, он поставил скученно, на небольшом пространстве, ту фалангу, на которую он должен был бы особенно надеяться, как на очень обученную военным приемам. Было у него большое число и других пращников и стрелков из Фригии, Ликии, Памфилии, Писидии, Крита, Тралл и Киликии, снаряженных по образцу критян. Кроме этих, еще другие конные лучники, даи (даки?), мизийцы, элимеи и арабы, которые, сидя на очень быстрых верблюдах, очень некусно стреляют сверху вниз, а при близком столкновении пользуются очень длинными и узкими ножами. Колесницы с косами были поставлены между двумя войсками, чтобы начать бой по фронту; и им было сказано после первого же столкновения уходить назад.

33. На вид казалось, стояли два войска: одно, которое должно было начать бой, другое же, находившееся в резерве; каждое из них своей численностью и снаряжением должно было внушать страх. На правом крыле над конницей командовал сам Антиох, на другом крыле—Селевк, сын Антиоха, над фалангой—Филипп, начальник отряда слонов, а над передовыми застрельщиками—Миндис и Зевксис.

День был тусклый и туманный; таким образом, боевой порядок пропал из поля зрения, а сила выстрелов становилась слабее, как это и естественно во влажном и тусклом воздухе. Когда это заметил Эвмен, то на все остальное он перестал обращать внимание, но, очень боясь удара стоящих против него колесниц, он, собрав всех, какие у него были, пращников, стрелков и других легковооруженных, приказал им налетать на колесницы и поражать коней вместо возниц; ведь если конь в боевой колеснице начнет биться в своей упряжке, то и вся колесница становится бесполезной, да и остальной правильный распорядок сильно нарушается, так как свои же бояться своих кос. Это случилось и тогда. Когда кони подряд были ранены и колесницы понеслись на своих же, то этот беспорядок почувствовали прежде всего на себе верблюды, стоявшие ближе всего

к колесницам, а за ними броненосная конница, которой из-за своей тяжести не легко было избегать кос. Уже произошло большое замешательство и всевозможный беспорядок, начавшиеся прежде всего от этих колесниц и распространившиеся на все пространство между обоими войсками. Люди подозревали большее, чем было на самом деле: как это бывает при таком растянутом фронте, при густоте рядов, при разнообразных криках и великом страхе, узнать точно, что происходит, было не так легко даже для тех, которые находятся рядом с происходящим событием, и страх передавался от одного к другому, все нарастая.

34. Когда первое предприятие Эвмена оказалось удачным и пространством между войсками, поскольку оно было занято верблюдами и колесницами, оказалось свободным, он повел своих всадников и всадников римских и италийских, какие у него были, на стоявших против него галатов, каппадокийцев и на остальное сборище иноземных войск, громко крича и побуждая идти против людей, неопытных в военном деле и лишенных уже своего передового прикрытия. Его войска охотно следовали за ним, и их удар был настолько тяжел, что они обращают в бегство как их, так и стоявших рядом с ними всадников и катафрактов, уже сильно приведенных в беспорядок колесницами. Последних, которые из-за тяжести своего вооружения не так легко могли бежать или повертываться, они больше всего захватывали и избивали.

Вот что происходило на левом фланге македонской фаланги. На правом же, где стоял сам Антиох, он пробил сплошную фалангу римлян, разделил ее и далеко преследовал.

35. И вот македонская фаланга, поставленная для связи с конницей на узком четырехугольном пространстве, лишившись прикрытия всадников с обеих сторон расступилась, и приняла в себя легковооруженных, сражавшихся еще перед ее рядами, а затем опять сомкнулась. Когда же Домиций легко окружил ее большим количеством всадников и легковооруженных, так как она представляла плотно поставленный четырехугольник, она не могла ни двинуться вперед, ни развернуть своего строя ввиду его большой глубины; поэтому она стала терпеть бедствие. Они досадовали, что не имеют возможности сами воспользоваться своей военной опытностью, а представляют удобную мишень для нападения неприятеля со всех сторон. Однако, выставив со всех четырех сторон целый лес своих сарисс, они вызывали римлян вступить с ними в рукопашный бой и все время делали вид, что хотят напасть. Но они нигде не делали ни шагу вперед, будучи пешими и отягченными своим оружием, а врагов видя всюду на конях, особенно же потому, что боялись нарушить крепость своего строя; перестроиться иначе они бы не успели. Римляне же к ним не приближались и не вступали в рукопашный бой, боясь <опытности> людей, привычных к военному делу, их твердости и отчаянной решимости, но быстро кружась около них, они бросали все время в них дротики и стреляли из луков. И ни один удар их не был напрасным: такой массой стояли они на небольшом пространстве; они не могли ни уклониться от бросаемых в них копий и стрел, ни расступиться перед несущимися на них. Поэтому, неся уже большие потери, они стали поддаваться, так как ничего лучшего они сделать не могли, и стали шаг за шагом отступать, грозно обороняясь, вполне сохраняя порядок и внушая римлянам страх: они ведь и тогда не решались приблизиться к ним, но, нападая со всех сторон, наносили им потери, пока, наконец, слоны в македонской фаланге не были приведены в беспорядок и перестали слушаться своих вожakov; тогда весь их боевой порядок превратился в нестройное бегство.

36. Домиций, одержав победу здесь, спешно подошел к лагерю Антиоха и захватил охранявших его. Между тем Антиох, преследуя далеко тех

из римской фаланги, против кого он стоял, так как у них не было поставлено для помощи ни всадников, ни легковооруженных (Домиций не подкрепил их никем, считая, что не нужно будет благодаря реке), дошел до римского укрепления. Когда же военный трибун, охранявший лагерь, встретив его свежими силами из охраны лагеря, задержал его стремительность, а бегущие, вновь осмелев благодаря слившимся с ними вспомогательным силам, обратились против врага, Антиох повернул назад, полный гордости, как бы одержав победу, ничего не зная из того, что произошло на другом его фланге. С ним встретился Аттал, брат Эвмена, с большим количеством конницы. Без большого затруднения Антиох их порубил и проехал через их ряды, не обращая внимания, что они, кружась еще около него, наносили ему незначительные потери. Но когда он увидел свое поражение и всю равнину, полную трупами его воинов, людей, коней и слонов, увидал, что его лагерь взят уже штурмом, тогда и Антиох бежал без оглядки и допоздноты прибыл в Сарды. Из Сард он дальше отправился в город Келены, который называют Апамеи: он услышал, что сюда бежал его сын. На следующий день он уехал из Келен в Сирию, оставив в Келенах военачальников, чтобы собирать и принимать бегущих. Он отправил к консулу послов о прекращении войны. Консул был занят похоронами своих, снимал оружие с убитых врагов и собирал пленных. Оказалось у римлян убитых римских всадников 24 и пеших самое большее триста, которых убил Антиох, у Эвмена всего 15 всадников. У Антиоха же, считая с пленными, можно думать, потери были до 50 000, так как вследствие большого количества сосчитать их было не так легко. И из его слонов одни были убиты, 15 было взято в плен.

37. Как бывает при победе чересчур блестящей и для некоторых казавшейся невероятной (считалось невозможным одержать такую победу более малочисленному войску над гораздо большим и при этом в чужой земле, и особенно над македонской фалангой, хорошо вымуштрованной и тогда особенно состоящей из отборных людей, имеющей славу непобедимой и страшной), с одной стороны, друзья Антиоха упрекали его за необдуманную поспешность в разрыве отношений с римлянами, за его проявленную с самого начала неопытность и отсутствие ясного плана, за то, что он выпустил из рук Херсонес и Лисимахию со всем оружием и со всеми запасами, прежде чем испытать силы неприятеля, за то, что охрану Гелеспонта он оставил на произвол судьбы, когда сами римляне не надеялись так легко овладеть этим переходом. Упрекали его и за последний его неразумный поступок, за то, что всю силу своего войска сделал бесполезной, поставив в тесном и узком пространстве, и всю свою надежду основал на численности людей, собравшихся со всех сторон, людей, неопытных в военном деле, предпочтя их тем, которые благодаря долгому упражнению стали специалистами военного дела и у которых приобретенная в стольких войнах уверенность возросла до отваги и смелости. Такие мнения высказывались относительно Антиоха. С другой стороны, у римлян возросло самомнение; они считали, что для них нет ничего неисполнимого вследствие их доблести и помощи богов. Ведь действительно, на счет их счастья можно было отнести, что они столь немногочисленные, прямо с похода, в первой же битве, да еще в чужой стране, в один день одержали верх над столькими племенами и таким снаряжением царя, над доблестью наемников и славой македонян, над царем, приобретшим огромное царство к имя «Великого». И для них великая песня славы заключалась в словах: «был да слыл царь Антиох Великий».

38. С такую гордостью хвалились римляне своими победами. Консул, когда к нему вернулся из Элеи его поправившийся брат Публий, допустил на аудиенцию послов Антиоха. Они просили сказать им, что должен сделать

царь Антиох, чтобы стать другом римлянам. Вот что ответил им Публий: «Антиох сам виноват в своих несчастьях, как теперешних, так и прежних, из-за своей жадности. Он имел огромную державу, и римляне не мешали ему ею владеть, но он отнял у Птолемея, своего близкого родственника и друга римлянам, долинную Сирию, и вторгнувшись в Европу, до которой ему не было никакого дела, он завоевал Фракию, укрепил Херсонес, вновь выстраивал Лисимахию; дойдя до самой Эллады, он стал поработать эллинов, недавно с помощью римлян ставших автономными, пока, наконец, он не был побежден в битве при Фермопилах. Бежав оттуда, он даже и при таких обстоятельствах не отрешился от своей жадности, но не раз побежденный на море, когда мы только что перешли Геллеспонт, он хотя просил мирного договора, однако в своей надменности презрительно отнесся к предложенным ему условиям и, собрав вновь огромное войско и заготовив против нас неисчислимое снаряжение, продолжал воевать с нами; принужденный вступить в решительный бой с более сильным противником, он дошел до теперешнего своего тяжелого положения. Следовало бы, чтобы мы наложили на него большее наказание за то, что он не раз заставлял римлян вступать с ним в рукопашный бой. Но мы не становимся надменными от удач и не отягчаем несчастья других. Мы предлагаем ему те же условия, которые мы предлагали ему и раньше, прибавив только очень немного, что и для нас будет полезным и что для него на будущее время послужит на пользу в смысле безопасности: он должен отказаться от всей Европы и от Азии по сю сторону Тавра (границы будут установлены впоследствии), должен выдать слонов, сколько у него есть, и кораблей, сколько мы прикажем; в дальнейшем он не должен иметь слонов, а кораблей столько, сколько мы прикажем; должен дать двадцать заложников, каких укажет военачальник, и выплатить за расходы на эту войну, которая произошла по его вине, немедленно пятьсот эвбейских талантов¹⁰, а когда сенат санкционирует этот договор,—еще две тысячи пятьсот, а в течение следующих 12 лет еще двенадцать тысяч, внося в Рим ежегодно соответствующую часть; выдать нам всех пленных и перебежчиков и отдать Эвмену то, что еще остается у него в нарушение договора, заключенного с Атталом, отцом Эвмена. Если Антиох сделает все это без всякого коварства, мы даруем ему и мир и дружбу, когда сенат это санкционирует».

39. Как ни велики были требования, которые предъявил Сципион, послы все их приняли. Немедленно были доставлены деньги и двадцать заложников, в числе которых был Антиох, младший сын Антиоха. Сципионы и Антиох отправили в Рим послов, и сенат согласился с этим решением, и был составлен письменный договор, утверждавший слова Сципиона, устранявший неясности и содержащий некоторые небольшие добавления, а именно, чтобы для Антиоха границей его царства были два мыса Каликадион и Сарпедонийон и за эти пределы Антиох не должен был заплывать для ведения войны; тяжелых судов он мог иметь только двенадцать, с которыми он мог вести войну против своих противников, но, подвергшись нападению, он мог пользоваться и большим числом. Он не должен был вербовать наемников из областей, принадлежащих римлянам, и не принимать беглецов из этой страны. Заложники могли меняться каждые три года, кроме сына Антиоха. Составив такой письменный договор и вырезав его на медных досках, они поместили его на Капитолий, где они помещают и другие договоры; копию они послали Магнию Вульсону, преемнику Сципиона по командованию войском. Он припис клятву

¹⁰ Эвбейский талант довольно близок к афинскому, приблизительно, 2250 руб. золотом.

в присутствии послов Антиоха в Апамее во Фригии, а Антиох — в присутствии специально с этой целью посланного к нему военного трибуна Терма.

Таков был для Антиоха Великого конец его войны с римлянами. Было мнение, что договор был заключен в такой форме благодаря признательности Сципиона Антиоху за освобождение его сына.

40. И когда Сципион вернулся, некоторые за это подняли против него клевету, а два народных трибуна обвинили его в продажности и измене. Он с презрением отнесся к этому обвинению, как недостойному его. Когда собрался суд в тот день, когда много лет тому назад¹¹ он покорил Карфаген, он послал заранее жертвенных животных на Капитолий, а сам явился на суд в торжественном одеянии вместо жалкого, вызывающего сострадание, какое надевали подсудимые; этим все были поражены и почувствовали расположение к человеку столь великому духом в сознании собственного достоинства. И, начав говорить, он ни слова не сказал об обвинении, но изложил всю свою жизнь, весь свой образ действий и все свои дела, сколько он провел войн в защиту родины и как он окончил каждую войну, сколько раз он был победителем. Вследствие торжественности тона его рассказа слушателей охватило чувство удовольствия. Когда же он дошел до рассказа о Карфагене, представив, как живые, особенно события этой войны, и, сам воодушевившись и воодушевив собрание, он сказал: «В этот день я тогда одержал такую победу и дал вам, граждане, в ваши руки Карфаген, бывший вам до тех пор столь страшным. Так вот я ухожу в Капитолий принести богам благодарственную жертву за тот день. И из вас те, которые любят свой город, присоединитесь ко мне для принесения этой жертвы, совершаемой за ваше благополучие». Так он сказал и быстро двинулся на Капитолий, не обращая никакого внимания на судебный процесс. За ним последовала вся толпа и большинство судей с кликами пожелания ему счастья, а когда он приносил жертву, раздавались в его честь те же восклицания. Обвинители остались в недоумении; они не решались вторично поднять против него процесс, как неоконченный тогда, ни упрекнуть его в заискивании перед народом, зная, что его жизнь выше всякого подозрения и клеветы¹².

41. Так презрительно отнесся Сципион к этому обвинению, недостойному его жизненного пути. Он поступил, мне кажется, мудрее, чем Аристид, обвиненный в хищении, или Сократ в связи с предъявленным ему обвинением. Они оба не сказали ничего, подвергаясь подобному поношению (может быть Сократ и сказал то, что приписывал ему Платон); в его поведении было и больше душевного величия, чем у Эпаминонда, который был беотархом вместе с Пелопидом и еще одним. Фивяне послали их, давши каждому из них войско, идти на помощь аркадянам и мессенянам, на которых пошли войной лакедемоняне; когда они еще не совершили того, что задумали, фивяне отозвали их на основании клеветнического доноса. Они в продолжение шести месяцев не передавали власти своим преемникам, пока не захватили укрепления лакедемонян, и вновь не поставили там другие, аркадские гарнизоны; к этому понуждал своих сотоварищей по командованию Эпаминонд и брал на себя ответственность, что это дело для них пройдет безнаказанно. Когда же по их возвращении обвинители, обвиняя каждого в отдельности, приговаривали к смерти (закон наказывал смертью всякого, кто насильственно продолжает исполнять обязанности, переданные уже другим), то двое других защищались

¹¹ С тех пор прошло 15 лет.

¹² Об этом и последующем процессе, где в защиту Сципиона выступил Гракс, рассказывает Ливий (38,52—53).

в длинных речах, вызвав к себе сожаление и перелагая всю вину на Эпаминонда, предложившего им так говорить и подтвердившего собственным свидетельством их слова. Судимый последним, он сказал: «Я согласен, что это время я сохранил власть противозаконно, и тех, кого вы теперь оправдали, я к этому принудил. Преступив закон, я не буду просить не подвергать меня смерти. Я только прошу вас за все то, что я сделал в своей предшествующей жизни, сделать такую надпись над моей могилой: «Это могила того, кто победил при Левктрах, кто согражданин, неспособных устоять при одном виде врагов, даже если б то был иноземец, надевший лаконскую шляпу, привел до ворот самой Спарты. Он казнен отечеством, преступив законы во имя пользы отечества». С этими словами он сошел с ораторской трибуны и передал себя в руки тех, которые захотели бы вести его на казнь. Судьи, почувствовав укор себе в его речи, удивление к такой защите и стыд перед так оправдывающимся мужем, отказались собирать голоса и бежали из судилища.

42. По этому поводу, если кто хочет, может провести между ними параллель¹³. Между тем Манлий, преемник Сципиона, пройдя по отнятой у Антиоха земле, стал устанавливать там порядок. Из числа галатов, бывших союзниками Антиоха, толстобой бежали на Олимп в Мизии; с трудом поднявшись на гору, он обратил их в бегство, нанеся поражение, пока не избил и не сбросил со скал такое количество, что из-за их множества нельзя было установить их числа; в плен он взял до 40 000; их оружие он сжег, их самих же, не имея возможности вести за собой во время военных действий такое огромное количество, он продал соседним варварам. В стране тектосагов и трокмов он очутился в опасном положении, попав в засаду, и должен был бежать. Вернувшись, он напал на них, когда они стояли лагерем в открытом поле густой массой, столпившейся вследствие своей многочисленности; он окружил их своими легковооруженными и, объезжая кругом, приказывал пускать в них копья и стрелы, но не вступать в рукопашный бой и не приближаться к ним. Так как ни один удар не был напрасным ввиду густоты строя врагов, то он убил восемь тысяч врагов, а остальных преследовал до реки Галиса. Ариарат, царь Каппадокии, который тоже посылал вспомогательные войска Антиоху, в страхе прибежал к просьбам и свои просьбы сопровождал посылкой двухсот талантов; поэтому Манлий не вторгся в его страну, но вернулся к Геллепонту с огромными сокровищами, незачетным количеством денег и очень большой добычей. Войско несло с собой очень большое достояние.

43. До сих пор Манлий действовал благополучно. Но затем его действия стали совершенно безрассудными; он не воспользовался летним временем для плавания, не принял во внимание тяжести того, что он вел с собою, ничто не заставило его приучить войско к перенесению трудов или упражнять его в переходах, как направляющееся не на войну, но возвращающееся к себе домой с добычей; он пошел через Фракию по длинной, трудно проходимой и узкой дороге, в пору крайней жары, не поспев вперед в Македонию к Филиппу с просьбой встретить его, чтобы его проводить; не разделил он войска на много частей, чтобы было легче идти и удобнее было приобретать продовольствие, а вьючных животных не выстроил растянутым отрядом, чтобы легче было их охранять. Но он вел все войско вместе одной длинной линией, вьючных животных имел в середине, так что ни передние отряды не могли им помочь, ни задние быстро подойти из-за длины строя и узости дороги. Поэтому, когда фра-

¹³ Нет ли тут намек (может быть, несколько проницательного) на Плутарха с его параллельными биографиями? Такую же параллель Аппиан дает во второй книге «Гражданских войн» между Цезарем и Александром.

кийцы всюду нападали на него справа и слева, то он потерял большую часть добычи и государственных денег, а также и самого войска. С оставшимися в живых он спасся в Македонии. В этом случае особенно стало ясным, какую пользу принес Филипп, проведя Сципионов через Фракию. Какою ошибку сделал Антиох, оставив Херсонес. Манлий из Македонии перешел в Фессалию, а из Фессалии в Эпир и отсюда переправился в Брундизиум. Распустив оставшееся войско по домам, он вернулся в Рим.

44. Родосцы и Эвмен, царь Пергама, тоже высоко ценили свою помощь римлянам в войне против Антиоха. Поэтому Эвмен сам прибыл в Рим, родосцы же отправили послов. Сенат дал родосцам Ликию и Карию, которые он вскоре отобрал у них, так как их симпатии, когда римляне воевали с Персеем, царем Македонии, были более на стороне Персея, чем римлян; Эвмену же они предоставили все остальное, что они отняли у Антиоха, кроме эллинов, находившихся в тех местах. Из них тем, которые платили подати Атталу, отцу Эвмена, римляне приказали вносить их Эвмену, а тех, которые впервые платили их Антиоху, они освободили от податей и предоставили им автономию.

45. Так римляне распределили то, что они приобрели силой оружия. Когда немного спустя умер царь Антиох Великий, преемником ему стал его сын Селевк. Он высвободил своего брата Антиоха от римлян, у которых он был заложником, вместо него дав своего сына Деметрия. Когда Антиох возвращался из своего заложничества и был еще около Афин, Селевк был убит по тайному умыслу неким Гелиодором из числа придворных. Этого Гелиодора, хотевшего захватить власть, Эвмен и Аттал изгоняют и возводят на престол Антиоха, желая быть его друзьями: из-за кое-каких недоразумений они уже стали косо смотреть на римлян. Так Антиох, сын Антиоха Великого, получил власть над Сирией, у сирийцев он получил прозвище «Эпифан» («с славой явленный»), потому что в глазах подданных он был законный государь той власти, которая была отнята у него чужими. Установив дружбу и союз с Эвменом, он твердо правил Сирией и племенами, лежащими около нее, имея своим наместником в Вавилоне Тимарха, а наблюдающим за своими доходами Гераклида; это были два брата, и оба были его любимцами. Ходил он походом и против армянского царя Артаксия. Немного времени спустя, как он победил его, он умер.

46. Антиох оставил девятилетнего сына Антиоха, которому сирийцы дали имя Эватора за высокие достоинства его отца. Воспитателем мальчика был Лисий. Сенат был доволен, что этот новоявленный воинственный Антиох так скоро умер, Деметрия же, который был сыном Селевка, племянником Антиоха Эпифана и внуком Антиоха Великого, бывшего ближайшим родственником этому мальчику, находившегося все еще заложником в Риме, 23 лет от роду, просившегося уехать в свое царство, на которое он имел, по его словам, наибольшее право, сенат не отпустил, считая невыгодным для римлян, чтобы правил Сирией зрелый, в расцвете сил человек вместо еще незрелого мальчика. Услышав, что в Сирии есть целый отряд слонов, и кораблей больше, чем это было установлено для Антиоха, они отправили послов, которые должны были слонов убить, а корабли сжечь. Грустное зрелище представляло избиение ручных и редких животных и сожжение кораблей. Некий Лептин в Лаодикее, не выдержав этого зрелища, убил Гнея Октавия, главу этого посольства, когда он умаслялся в гимнасии. Лисий устроил похороны Октавию.

47. В это время вторично Деметрий обратился в сенат с просьбой по крайней мере не считать его больше заложником, так как ведь он был дан вместо Антиоха, а Антиох умер. Но не добившись даже этого, он тайно отплыл, сирийцы радостно приняли его, и он, вступив на престол, по-

губил Лисия и мальчика, изгнал Гераклида, а Тимарха, восставшего против него, уничтожил, так как Тимарх вообще плохо управлял Вавилоном; поэтому Деметрий, по почину вавилонян, был назван Сотером («Спасителем»). Укрепившись на престоле, Деметрий послал римлянам в знак благодарности за обращение с ним во время его заложничества золотой венок, ценою в 10 000 золотых, и Лептина, убийцу Октавия. Римляне венок приняли, Лептина же не взяли, конечно, как бы сохраняя для подходящего случая это обвинение против сирийцев. Деметрий же сверг также с престола Каппадокии Ариарата и вместо него за 1000 талантов возвел на престол Олоферна, считавшегося братом Ариарата. Но римляне решили, чтобы Ариарат и Олоферн, как братья, царствовали вместе.

48. Немного позже, когда оба они, а за ними и Ариобарзан были изгнаны Митридатом, царем Понта, по этой причине и по многим другим стала завязываться война с Митридатом, самая большая и самая разнообразная, по участвовавшим в ней племенам, затянувшаяся по меньшей мере на 40 лет. За это время у сирийцев было много весьма кратковременных правителей из царского рода, было много перемен и дворцовых переворотов. Парфяне, уже раньше отпавшие от царства Селевкидов, отняли для себя Месопотамию, которая была подчинена Селевкидам. И царь Армении Тигран, сын Тиграна, завоевав много соседних племен, имевших своих собственных династов, стал поэтому называться царем царей. Он пошел войной на Селевкидов, не желавших признавать его главенства. Так как Антиох Благочестивый не мог ему противиться, то Тигран захватил власть над Сирией вдоль по Евфрату, все сирийские племена до границ Египта. Вместе с этим он завладел и Киликией (и она была в подчинении у Селевкидов). И в течение 14 лет управлял этими странами назначенный им его полководец Магадат.

49. Когда римский полководец Лукулл преследовал Митридата, бежавшего к Тиграну, то Магадат пошел с войском на помощь Тиграну; в это время Антиох, сын Антиоха Благочестивого, проскользнул в Сирию, и сирийцы охотно приняли его царем. Лукулл, сначала окончив войну с Тиграном и изгнав его из завоеванных им областей, не отказал Антиоху в праве владеть наследственным царством; Помпей же, который после Лукулла уничтожил Митридата, разрешил Тиграну царствовать в Армении, а Антиоха изгнал из сирийского царства, хотя он не совершил никакого проступка против римлян, на самом же деле потому, что ему, имеющему войско, было легко захватить большое, но небооруженное царство; а на словах говорилось, что так как Селевкиды были изгнаны Тиграном, то нет никакого основания, чтобы они правили Сирией по большему праву, чем римляне, победители Тиграна.

50. Таким образом, без боя римляне приобрели Киликию и Сирию, как срединную так и долинную, Финикию и Палестину, и все другие сирийские племена от Евфрата до Египта и до моря. Один только иудейский народ сопротивлялся; Помпей победил его силою оружия и их царя Аристобула послал в Рим и самый большой город у них и самый священный, Иерусалим, разрушил, срыв его стены, так же как и Птолемей, первый царь Египта; вновь отстроенный город вновь разрушил Веспасиан и еще раз в мое время Адриан. Поэтому всем иудеям приходится платить поголовную подать, более тяжелую, чем со всего их имущества (περσοβιας)*. И сирийцам, и киликийцам приходится платить ежегодный налог, одну сотую с оценки имущества у каждого. Из всех этих племен, бывших под властью Селевкидов, Помпей одним... поставил их наследственных царей или правителей, так, например, у галатов в Азии

* Конъектура Мусгранууса и Беккера: περσοβιας—«чем окружающее население».

он утвердил для четырех династов, воевавших в союзе с ним против Митридата, их тетрархии. Но немного времени спустя, главным образом при кесаре Августе, и эти страны по частям перешли в руки римлян.

51. Помпей немедленно передал управление Сирией Скавру, бывшему в этой войне его квестором; после Скавра сенат назначил на эту должность Марция Филиппа, а после Филиппа Лентула Марцеллина, обоих в ранге преторов. Двухлетний срок управления того и другого прошел в том, что они защищались от соседних арабов, причинявших им беспокойство. Ради этого на дальнейшее время правителями в Сирию назначались лица, которые в городе уже выполнили должность консулов, чтобы они имели право на производство набора и ведение войны, как и консулы. И первым из них был послан с войском Габиний. Когда он собрался двинуться походом (на арабов), Митридат, парфянский царь, лишенный власти своим братом Ородом, стал побуждать его идти походом не на арабов, а на парфян; с другой стороны, Птолемей, одиннадцатый царь Египта, тоже изгнанный из своего царства, убедил его крупными денежными подарками вместо парфян двинуться на Александрию. И Габиний вернул престол Птолемею, вступив в войну с александрийцами, но римским сенатом он был присужден к изгнанию за то, что без постановления сената напал на Египет, начав войну, которая для римлян считалась роковой: было некое сивиллино предсказание, запрещавшее им эту войну. После Габиния, как мне кажется, управлял Сирией Красс, с которым во время его войны с парфянами произошло известное великое несчастье. При Люции Бибуле, после Красса управлявшем Сирией, на Сирию напали парфяне. Когда после Бибула в Сирии был проконсулом Саса, парфяне дошли до Ионии, так как римляне были заняты у себя междоусобной войной.

Но об этом я расскажу подробно в книге¹⁴ о Парфии.

52. А так как эта книга посвящена Сирии, мы рассказали о том, как римляне захватили Сирию и привели ее в современное состояние; но будет вполне уместно просмотреть эпоху македонян, которые еще до римлян правили Сирией.

После персов царем Сирии был Александр, который был царем всего, что он видел. Когда Александр умер, один у него был сын совсем маленьким, а другой еще не родился. Македоняне, вследствие своей горячей любви к дому Филиппа, выбрали себе царем брата Александра, Аридея, хотя он считался не в полном уме, переименовав его вместо Аридея в Филиппа; они воспитывали и детей Александра (они охранили и его беременную жену), друзья же Александра разделили завоеванные народы на сатрапии, причем этот раздел производил от имени царя Филиппа Пердикка. Немного спустя цари умерли¹⁵, и тогда сатрапы стали царями. Первым сатрапом Сирии был Лаомедонт из Митилены при содействии Пердикки, а потом при помощи Антипатра, который после Пердикки был опекуном царей. Приплыв к Лаомедонту, Птолемей, сатрап Египта, стал убеждать его за большую сумму денег уступить ему Сирию, являющуюся передовым укреплением Египта и удобным местом для нападения на Кипр. Так как Лаомедонт на это не соглашался, Птолемей его арестует. Но Лаомедонт, подкупив сторожей, бежал в Карию к Алкету. Некоторое время Птолемей утверждал свою власть в Сирии, а затем, поставив по городам гарнизоны, он отплыл в Египет.

53. Сатрапом Фригии, Ликии и Памфилии был Антигон, оставленный наблюдателем за всей Азией, когда Антипатр переправился в Европу.

¹⁴ У Аппиана такой книги нет.

¹⁵ См. главу 54.

Он стал осаждать Эвмена, сатрапа Каппадокии, так как македоняне постановили считать его врагом. Эвмен бежал от него и захватил для себя власть над Мидией. Но Антигон, захватив Эвмена, его убивает. Возвращаясь, он был блестяще принят Селевком, наместником Вавилона. Так как Селевк оскорбил одного из его военачальников и не сообщил об этом находящемуся у него Антигону, то Антигон, обидевшись, стал требовать отчета в деньгах и имуществе. Будучи слабее Антигона, Селевк ушел к Птолемею в Египет. Тотчас после бегства Селевка Антигон лишил власти Блитора, управителя Месопотамии, за то, что он позволил уйти Селевку, и подчинил своей собственной власти Вавилонию, Месопотамию и все другие племена, которые идут от пределов Мидии до Геллеспонта, тем более, что Антипатр уже умер. Став владыкой столь огромных земель, он тотчас вызвал к себе зависть со стороны других сатрапов. Это была главная причина, почему на призыв Селевка о помощи соединились Птолемей, Лисимах, сатрап Фракии, и Кассандр, сын Антипатра, после отца ставший вождем македонян. И они все вместе послали к Антигону послов требовать, чтобы вновь приобретенную им землю и деньги он поделил с ними и с другими македонянами, которые были изгнаны из своих владений. Когда Антигон высмеял их, они решили сообща вести войну, а Антигон в свою очередь стал приготавливаться; он изгнал те гарнизоны Птолемея, которые еще стояли у него в Сирии, и то, что еще от Финикии и Келесирии осталось под властью Птолемея, он все взял себе.

54. Удаляясь через Киликийские ворота, он оставляет своего сына Деметрия, приблизительно 22 лет, в Газе с войском, чтобы отражать удары Птолемея со стороны Египта. Птолемей блестяще победил его в битве при Газе, так что юноше пришлось удалиться к отцу. Тотчас же Птолемей отправляет Селевка в Вавилон, чтобы он взял власть в свои руки. И с этою целью он дал ему тысячу пехотинцев и 300 всадников. И со столь незначительным отрядом Селевк захватил Вавилонию, так как население радостно принимало его; прошло немного времени—и свое царство он намного увеличил. Между тем Антигон теснил Птолемея и в знаменитой морской битве около Кипра одержал блестящую победу; главнокомандующим в этом сражении был его сын Деметрий. При таком блестящем положении дел войско провозгласило их обоих—Антигона и Деметрия—царями, тем более, что цари: Филипп, Аридей, Олимпиада и сыновья Александра были уже мертвы. И Птолемея его собственное войско провозгласило царем, чтобы, вследствие поражения, он ни в чем не был унижен сравнительно со своими победителями. Так удалось им обоим одновременно добиться одного и того же, но по разным причинам; за ними тотчас последовали и другие, и все из сатрапов стали царями.

55. Вот как и Селевк стал царем Вавилонии. Он стал царем и Мидии, убив собственноручно в битве Никанора, оставленного Антигоном сатрапом Мидии. Он провел много войн и против македонян и против варваров; из них две самые большие он провел против македонян: одну, более позднюю,—с Лзимахом, царем Фракии, другую, раньше,—у Ипса во Фригии, с Антигоном, который сам командовал и сам лично сражался, хотя ему было за 80 лет. Когда Антигон пал в этой битве, то те цари, которые вместе с Селевком уничтожали Антигона, поделили между собою его землю. И тогда-то Селевк по жребию получил под свою власть Сирию, прилегающую к Евфрату и до самого моря, и внутреннюю Фригию. Постоянно устраивая ловушки соседним народам, способный и силой заставить их подчиниться и уговорить убедительными речами, он захватил власть над Месопотамией, Арменией и Каппадокией, называемой Селевкидой, над Персией, Парфией и Бактрией, над арабами и тапирами, над Согдианой, Арахозией и Гирканией, и над всеми другими соседними племе-

нами до реки Инда, которые силою оружия были завоеваны Александром, так что границы его царства в Азии достигли наибольших после Александра размеров; ведь от Фригии вплоть до реки Инда все было под властью Селевка. Кроме того, перейдя реку Инд, он воевал с царем живущих по берегу этой реки индийцев, Андрокоттом, пока не заключил с ним дружбу и брачного союза. И часть этих деяний он совершил до смерти Антигона, другую после его смерти.

56. Рассказывают о нем, что, когда он был еще прицарем Александры солдатом и пошел за ним против персов, было ему вещание в храме Аполона Дидимейского на его вопрос о возвращении в Македонию:

«Мысль о Европе ты брось: тебе Азия много счастливей!»

И в Македонии у него на родном очаге, хотя к нему никто не прикасался, загорелся большой огонь. Его мать видела сон, чтобы тот перстень, который она найдет, она дала носить Селевку и что он будет царствовать там, где этот перстень упадет с его пальца. И она действительно нашла якорь, вырезанный на железе, а Селевк потерял эту свою печать на Евфрате¹⁶. Говорят, что позднее, уходя в Вавилонию, он зацепился за камень, и, когда этот камень был выкопан, увидели якорь. Когда гадатели были смущены этим знаком остановки, Птолемей, сын Лага, ехавший вместе с ним, сказал, что якорь есть знак безопасности, а не остановки. Поэтому-то у Селевка, когда он стал царем, на печати был знак якоря. Некоторые думают, что еще при жизни Александра и на его глазах Селевку было другое подобное предзнаменование будущей власти. Когда Александр возвращался в Вавилон из Индии и в самой Вавилонии пытался по болотам, выясняя, может ли Евфрат орошать ассирийскую землю, поднялся сильный ветер и сорвал с его головы диадему; она унеслась и повисла на тростниках на могиле какого-то древнего царя. Это было знамением близкой кончины царя; какой-то моряк, бросившись вплавь, положил эту диадему себе на голову и, не замочив ее, доставил Александру. И тотчас же от царя за усердие получил в подарок талант серебра. Когда же гадатели настойчиво требовали, чтобы он был казнен, то одни историки говорят, что Александр послушался их, другие же, что он возражал против этого. Но некоторые ничего не упоминают из этого, а говорят, что вовсе не моряк, но Селевк поплыл за диадемой Александра и что Селевк положил ее себе на голову, чтобы ее не замочить. Как ни как, оба знамения, в конце концов, исполнились над обоими: Александр окончил свою жизнь в Вавилоне, а из преемников Александра—Селевк воцарился над наибольшей частью его земель.

57. Вот что узнал я относительно ранних предсказаний Селевку. Тотчас после смерти Александра он становится вождем конницы гетеров, которой при жизни Александра командовал Гефестион, а после Гефестиона Пердикка. После этого командования конницей он был назначен наместником Вавилонии, а после наместничества стал царем. Так как в военных делах он был очень счастлив, он получил прозвище Никатора (победителя). Я склоняюсь более к этому объяснению его прозвища, чем к тому, что дано оно ему за убийство Никанора. Телом он был крепок и велик; рассказывают, что при одном жертвоприношении Александром дикого быка, как-то вырвавшегося из пут, он один задержал и голыми руками поверг его на землю; в воспоминание этого на его статуях всегда изображаются рога. По всему пространству своего огромного царства он выстроил много городов: так, в честь своего отца он выстроил 16 Антиохий, пять Лаодикей в честь своей матери,—девять носящих его собственное имя, четыре—в честь своих жен, три Апамен и одну Стратонидею. Из них

¹⁶ Ср. рассказ о перстне у Юстина (15.4).

самыми знаменитыми даже теперь являются Селевкии, одна у моря, другая на реке Тигре. Лаодикея в Финикии, Антиохия под горой Ливаном и Апамея в Сирии. Другим городам он дал имена или по именам городов Элады или Македонии, или по каким-то либо своим деяниям, или же в честь царя Александра. Поэтому в Сирии и у варваров за Сирией внутри материка есть много имен городов эллинских и македонских—Берейя, Эдесса, Перинф, Маронея, Каллиполис, Ахайя, Пелла, Ороп, Амфиполь, Аретуса, Астак, Тегея, Халкида, Лариса, Герейя, Аполлония, а в области парфян—Сотира, Каллиопа, Харита, Гекатомпил, Ахея. у индов—Александрополь, у скифов—Александрехата (Александрия крайняя). А в честь побед самого Селевка есть Никефорий в Месопотамии и Никополь в Армении, там, где она ближе всего подходит к Каппадокии.

58. Говорят, когда он строил себе Селевкии, то для Селевкии у моря он руководился небесным знамением в виде молнии, и поэтому он дал им богом молнию. При постройке же Селевкии на Тигре маги получили приказ выбрать день и час дня, когда нужно было приступить к возведению фундаментов. Но маги обманно назвали час, не желая, чтобы такое укрепление было рядом с ними. Селевк в своей палатке ожидал указанного часа, а войско, готовое к работе, сидело, спокойно ожидая, пока Селевк даст знак. Вдруг—в действительно судьбой назначенный час—им показалось, что кто-то дал знак; они быстро бросились к работе, так что, даже когда глашатаи хотели их сдержать, они не остановились. Работа шла уже полным ходом, когда Селевк, бывший не в духе, вновь спросил магов о времени постройки города. Тогда маги, заранее попросив прощения, сказали: «О царь! назначенной судьбы, будет ли она плоха или хороша, невозможно избежать ни человеку, ни городу. Есть некая судьба и у городов, как и у людей. Богом было угодно, чтобы этот город просуществовал многие, многие годы, начиная с того часа, когда он заложен. Боясь же, что это укрепление будет нам во вред, мы пытались изменить назначенную ему судьбу. Но она оказалась сильнее и коварства магов и незнания царя относительно этого. Поэтому божество дало приказ войску во благовремение. А чтобы ты не подозревал, что и теперь мы устраиваем какой-либо обман, ты можешь это сообразить из следующего: ведь ты сам, царь, был здесь при войне, и сам дал приказание ожидать твоего знака. И это самое войско, которое тебе так послушно в трудах и опасностях, не приняло твоего распоряжения отдыхать, но быстро вскочило, и не частями, а все вместе со своими руководителями, и считало, что получило такой приказ. И действительно им было приказано. Поэтому они не слушались уже, когда ты их удерживал. А что другое является для людей сильнее царя, как не божество? Оно победило твое решение и руководило тобою при постройке этого города помимо нас, враждебное нам и всему окружающему народу. Ведь как может быть наше положение прочным, если рядом с нами селится более могущественное племя? Этот город родился для тебя при счастливой судьбе, он будет возрастать и будет жить много веков. Ты же подтверди прощение нам, старавшимся обмануть тебя из-за страха потери нашего отечественного блага». Вот что сказали маги. Царь был рад и простил их.

59. Вот что я узнал о постройке Селевкии. Своего сына Антиоха еще при своей жизни Селевк объявил царем внутренних земель вместо себя. И если кому-либо уже это кажется великодушным и царственным поступком, то еще более великодушно и мудро отнесся он к любви своего сына и к его сдержанности в своей страсти. Антиох был влюблен в Стратонику, жену самого Селевка, бывшую ему мачехой и уже родившую Селевку сына. Но, сознавая недопустимость такой страсти, он не покусился на

злое дело и вида не подал, но он захворал, запустил болезнь и добровольно готовился умереть. Не раз знаменитый врач Эрасистрат¹⁷, бывший при Селевке на огромном жаловании, хотел определить его страдание. Выяснив, что тело его не затронуто никакой болезнью, он предположил у него душевную болезнь; ведь когда душа здорова или больна, то этому соответствует и состояние тела; далее, огорчения, гнев и другие желания обыкновенно высказываются, но любовь люди разумные скрывают. Антиох на его настойчивые расспросы наедине ничего не говорил; тогда он сел около него и наблюдал по изменениям его тела, как он относится к каждому из приходящих к нему. И вот он обнаружил, что при посещении всех остальных его тело оставалось спокойным и вялым; но всякий раз, как входила Стратоника, чтобы повидать его, то он душевно терзался стыдом и укорами совести и молчал, но тело становилось, помимо воли, горячим и полным жизни, а когда она уходила—вновь слабело. Тогда врач сказал Селевку, что его сын неизлечим. Царь впал в страшное горе и стал громко кричать; тогда врач сказал: «Его болезнь—любовь, и любовь к женщине, но невозможно ее удовлетворить».

60. Селевк удивился, неужели Селевк, царь Азии, не может кого угодно убедить вступить в брак с подобным юношей, при помощи просьб, денег, подарков, ценою целого царства, которое перейдет к больному царю, но которое может быть подарено и теперь взамен его спасения, если уже кто-либо этого хочет. Он только хотел узнать, что это за женщина. Тогда Эрасистрат сказал: «Он влюбился в мою жену». На это Селевк воскликнул: «Как, дорогой мой, ты, который встречаешь с нашей стороны так много дружбы и расположения, а по достоинству души и мудрости имеешь мало равных себе, неужели ты не спасешь мне юношу и царевича, сына и друга и царя, который так несчастен и так сдержан, скрывая свое горе и предпочитая для себя смерть? Неужели ты настолько отнесешься бессердечно к Антиоху, а вместе с тем и к Селевку?» Он, же, возражая ему, привел как бы неопровержимый довод: «Но ведь и ты, хотя ты отец, если бы Антиох влюбился в твою жену, ты бы не отдал ему жены?». Тут Селевк поклялся всеми царскими богами, что воистину он охотно и радостно отдал бы ее ему и был бы прекрасным примером доброты отца по отношению к сыну разумному, сдержанному в постигшей беде и не заслужившему такого несчастья. Высказав много таких слов, он начал горевать, что он сам не может быть врачом для себя в несчастье, но что и в этом случае он должен обращаться за помощью к Эрасистрату.

61. Когда Эрасистрат увидел возбуждение царя, обнаруживающее истинное настроение, а не притворство, он открыл ему страдание сына и как скрытно он подошел, чтобы его открыть. Селевк обрадовался, но для него было трудным делом убедить своего сына, а затем таким же трудом и свою жену. Когда он их убедил, он собрал свое войско, которое уже подозревало кое-что, и прежде всего изложил перед ними все свои дела, указал, что его царство из владений преемников Александра является наибольшим по пространству, что поэтому ему, стареющему, трудно уже из-за его величины им управлять. «Я хочу,—сказал он,—разделить эту величину для вашего же будущего благополучия и часть ее уже сейчас отдать моим самым любимым существам. Будет справедливо, если вы во всем будете мне помогать, вы, которые после Александра мною вознесены на такую высоту власти и могущества. А самыми любимыми для меня и достойными власти являются из всех моих детей старший сын и жена. У них, так как они молоды, могут быть скоро и

¹⁷ Сын дочери Аристотеля, ученик врача Александра, Хрисиппа.

дети, и для вас будет больше хранителей вашего государства. Поэтому на ваших глазах я сочетаю их между собою и посылаю быть царями народов, находящихся в глубине страны. Этим я не ввожу у вас никаких персидских обычаев или обычаев других народов, но скорее я устанавливаю следующий общий для всех закон: «всегда справедливо то, что поставлено царем». Так он сказал, и войско воздало ему хвалу как величайшему после Александра царю и как лучшему отцу. Затем, дав Стратонику и сыну такие же поучения, он сочетал их браком и отправил в их царство, совершив дело, более достойное славы и обличающее в нем больше силы, чем все, что он совершил на войне.

62. Под властью его было 72 сатрапии—над столь огромным пространством земли царствовал он. Передав большую часть их своему сыну, сам он правил землями только от моря до Евфрата. Последнюю войну пришлось ему вести с Лисимахом из-за Фригии у Геллеспонта; он победил Лисимаха, который пал в этом сражении, и переправился через Геллеспонт. Но при возвращении в Лисимахию он был убит. Убил его всюду сопровождавший его Птолемей, которому дано прозвище Керавн. Этот Керавн был сыном Птолемея Сотера и Эвридики, дочери Антипатра. Он бежал из Египта из-за страха, что Птолемей хочет отдать престол младшему сыну. Селевк принял его как несчастного сына своего старого друга, покровительствовал ему и всюду возил его с собой—своего будущего убийцу.

63. Так умер Селевк, прожив 73 года, из которых 42 он был царем. И мне кажется, что также и в этом исполнилось приведенное выше пророчество ему: «Мысль о Европе ты брось: тебе Азия много счастливей».

Ведь Лисимахия находится в Европе, и тогда впервые, после того как он ушел в поход с Александром, он переправился в Европу. Говорят, что, когда он как-то обратился за предсказанием о своей смерти, ему было дано вещание: «Будешь Аргос избегать, до назначенных лет доживешь ты. В Аргос приблизившись, ты против воли рока погибнешь».

Поэтому Аргос в Пеллопоннесе и Аргос в Амфилохии, и Аргос в Орестии (откуда родом македоняне Аргеады) и так называемый Аргос, выстроенный у Ионийского моря Диомедом во время его блужданий, и любое другое место, носившее название Аргос, Селевк разыскивал и остерегался <туда попадать>. Но когда от Геллеспонта он шел к Лисимахии, то на глаза ему попался большой, стоящий совершенно открыто алтарь. Он разузнал, что поставили его то ли аргонавты, плывшие в Колхиду, или ахейцы, шедшие походом на Илион, и поэтому окрестные жители называют этот жертвенник Аргосом, то ли по имени корабля <аргонавтов>, исказив несколько его имя, или от имени родины Атридов.—когда он еще это слушал, он получил смертельный удар: Птолемей поразил его сзади. Филетер, правитель Пергама, сжег Селевка, за большие деньги выпросив его тело от Керавна, а его останки он послал его сыну Антиоху. Он похоронил их в Селевкии у моря и воздвиг в его честь храм и священный участок, и этот участок называется Никаторием.

64. Относительно Лисимаха я узнал, что он был в числе личной стражи Александра. Как-то он на большое пространство бежал рядом с царем; устав, он схватился за хвост царского коня; он продолжал бежать, хотя он концом царского копыта получил удар в лоб в кровеносную жилу и потерял много крови. За отсутствием повязки Александр перевязал его рану своей диадемой, и диадема сейчас же вся стала в крови. Предсказатель Александра Аристандр, когда Лисимаха несли в таком виде, предсказал, что этот человек будет царем, но царствовать будет с большими трудностями. И действительно, Лисимах поцарствовал не меньше 10 лет, считая те годы, когда он был сатрапом, но царствовал с большими

трудностями¹⁸. Будучи 70-летним стариком, он сам командовал войском и, сражаясь, был убит. Вскоре после него был убит и Селевк. Лежащий на земле труп Лисимаха его домашний пес долгое время охранял неприкосновенным от птиц и диких зверей, пока Торак из Фарсала не нашел и не похоронил его. Другие же рассказывают, что его похоронил Александр, родной сын Лисимаха, бежавший к Селевку вследствие страха, когда Лисимах убил другого своего сына Агафокла; он разыскал тогда его тело, найдя его главным образом благодаря псу, хотя оно уже разложилось. Его кости родные Лисимаха, говорят, положили в своем храме, и этот храм был назван Лисимахием.

Таков был конец каждого из этих царей, очень храбрых и бывших большого роста: одному было 70 лет, другой был старше на три года, но до самой смерти они сражались собственной рукой.

65. Когда умер Селевк, его преемниками—причем власть над Сирией переходила от отца к сыну—были следующие: первым был вышеозначенный Антиох, влюбленный в свою мачеху: он получил прозвище «Сотер» («спаситель»), так как изгнал галатов, вторгнувшихся из Европы в Азию; за ним шел второй—Антиох, родившийся от этого брака, которому жителями Милега впервые было дано имя «Теос» («бог») за то, что он уничтожил у них тирана Тимарха. Но этого бога жена погубила ядом. Он имел жен—Лаодику и Веренику, по любви и по обручению... дочь Птолемея Филадельфа. Лаодика убила его, а за ним и Веренику и ее маленького ребенка. Как мститель за это Птолемей, сын Филадельфа, убил Лаодику, вторгся в Сирию и дошел до Вавилона. И парфяне начали тогда свое отпадение, так как царский дом Селевков находился в таком неустойчивом состоянии.

66. После Теоса царем Сирии был Селевк, сын «бога» и Лаодики, которому было прозвище Калликник. За Селевком следовали один за другим два его сына по старшинству лет, Селевк и Антиох. Селевк был большой, немощный и не умевший держать в повиновении свое войско. Его приближенные устроили против него заговор и отравили его; царствовал он всего два года. Его брат—тот Антиох, который получил имя Великого, о войне которого с римлянами я рассказывал выше. Он царствовал 37 лет. О двух его сыновьях, царствовавших после него, Селевке и Антиохе, я уже говорил раньше. Селевк царствовал 12 лет бездейственно и слабо вследствие несчастья с отцом. Антиох царствовал неполных 12 лет; за это время он взял в плен Артаксия, царя Армении, и ходил войной на шестого Птолемея, который, как спрота, со своим братом был под опекой. Когда он стоял лагерем под Александрией, к нему явился послом от римлян Поппий с письменным приказом, гласившим: «Антиох не должен воевать с Птолемеями». Когда он прочел приказ и сказал, что подумает. Поппий железом очертил круг вокруг него и сказал: «думай здесь». Пораженный этим, царь спялся с лагерь. Он ограбил святилище Афродиты в Элимнах и умер от истощения, оставив 9-летнего сына, Антиоха Евпатора, как мной рассказано и об этом.

67. Была раньше речь и об его преемнике, Деметрии, как он был заложником в Риме и, бежав из своего заложничества, стал царем. Он получил от сирийцев имя «Сотера» («спасителя»), вторым после сына Селевка Никатора. Против него поднял восстание некий Александр, ложно заявлявший, что он из рода Селевков. Птолемей, царь Египта, из-за ненависти к Деметрию поддерживал его. Деметрий из-за Птолемея был лишен престола и умер; но Александра изгнал Деметрий, сын этого Деметрия Сотера, и за то, что он победил человека, незаконно претендовавшего на его род, он был назван сирийцами «Никатор» («победитель»);

¹⁸ Ср. Юстин (15,5,15), фракийцы считались самым диким народом.

и он был вторым после Селевка, получившим это имя. По примеру того Селевка и он пошел войной на парфян, но был взят в плен, жил при дворе царя Фраата, и царь выдал за него замуж свою сестру Родогуну.

68. При такой анархии в царском доме царский раб Диодот возвел на трон маленького Александра, сына Александра, незаконно выдававшего себя за Селевкида, и дочери Птолея. Затем он убил этого ребенка и осмелился сам вступить на престол, переменяв свое имя на Трифона. Но Антиох, брат пленного Деметрия, узнав на Родосе о его пленении, вернувшись с великим трудом в родное царство, убивает Трифона. И он идет походом на Фраата, требуя возвращения брата. Фраат испугался его и отослал Деметрия. Несмотря на это, Антиох вторгся в Парфию, но, потерпев поражение, убил себя. Вернувшегося на престол Деметрия убила его жена Клеопатра, коварно лишив его жизни из-за ревности к его браку с Родогунной, из-за чего она уже раньше вышла замуж за Антиоха, брата Деметрия. У нее было два сына от Деметрия, Селевк и Антиох, которому было прозвище Грип, а от Антиоха—Антиох, которого называли Кизикским. Из них Грипа она уже заранее послала для воспитания в Афины, а Кизикского—в Кизик.

69. Селевка, который тотчас же после отца своего Деметрия надел на себя царскую диадему, она убила, устроив против него заговор¹⁹, боясь ли мести за коварное убийство его отца, или вследствие безумной ненависти ко всем. После Селевка стал царем Грип; он заставил мать выпить то питье, которое она приготовила для него, подмешав яду. Таким образом, наконец, она понесла заслуженное наказание. Но и Грип был достойным сыном своей матери: он стал злоумышлять против Кизикена, хотя и тот был его братом по матери. Последний, узнав об этом, пошел на него войной, изгнал его из царства и вместо него сам стал царем Сирии. Но и против него, хотя он и приходился ему дядей, пошел войной Селевк, сын Антиоха Грипа, и отнял у него престол. Будучи насильником и ведя себя, как жестокий тиран, он был за это сожжен народом в гимназии в Киликии в городе Мопсуестии; его преемником был Антиох, сын Кизикского. Против него стал злоумышлять его родственник Селевк, но сирийцы считают, что он спасся благодаря своему благочестию, и поэтому дали ему прозвище «Благочестивого» (его спасла гетера, влюбленная в него за его красоту); мне же кажется, что сирийцы дали ему это прозвище в насмешку над ним: этот «Благочестивый» женился на Селене, которая была замужем за отцом его, Кизикенем, и за дядей его Грипом. Тем не менее, попущением божьим он был изгнан из своего царства Тиграном.

70. У его сына, который был у него от Селены, воспитанного в Азии и поэтому получившего прозвище Азиатский, Помпей отнял сирийское царство, как об этом я уже говорил; он был 17-м, начиная с Селевка, царем сирийцев (я не считаю Александра и сына Александра, как лжецарей, а равно и их раба Диодота). Он царствовал, пока Помпей был занят в других местах, всего один год. Власть Селевкидов продолжалась 230 лет. Если кто хочет учесть время от Александра до захвата Сирии римлянами, надо к 230 годам прибавить еще 14 лет правления Тиграна.

Вот что я имел сказать о македонянах, царствовавших в Сирии; это можно считать как-бы составляющим другую книгу.

Перевод С. П. Кондратьева

¹⁹ Конъектура: по тексту—«застрелив его».